

Илья АНСЕРОВ

ГАЗОВЫЙ КЛЮЧ

Повесть

Это было в две тысячи седьмом году. Который год подряд стояла засуха. Пятый или шестой. Каждое утро начиналось с новостей про сельское хозяйство, которое погибает от неурожаев. К тому времени я совсем забыл о временах, когда меня особенно не волновала погода. На что она влияет? Ну, припечет иногда, ну, дождь прольется, снег и так далее. Нормальная погода. Какая есть, такая и есть. А иногда даже обидно было, что летом как соберешься купаться, так дождь начинается. Но зато потом грибов можно набрать. Я и прогноз специально не слушал. Зачем? Не так много у меня было одежды, чтобы выбирать, что надеть. Так и жил, пока не началось...

Утром встанешь и надеешься первые десять секунд после пробуждения, вдруг тучки набегали. А потом понимаешь, что будет, как вчера и позавчера. Я летом на полу спал, под облезлой китайской простыней с какими-то журавлями. Придумал способ борьбы с жарой — горячий воздух легче холодного и поднимается вверх. Так, по крайней мере, не просыпаешься мокрым от пота...

В тот день так и было. Когда я проснулся, сын Миша еще спал. В пять лет дети температуру воздуха не ощущают, по себе помню — не жарко и не холодно. Пошел завтракать: кишиневский хлеб с сырным продуктом и опостылевший «Golden Eagle». По местному радио те же утренние новости про «бедствия аграриев». Поел, почистил зубы. В комнате встал с кровати Миша, надо и ему позавтракать. Хорошо заниматься такими необходимыми, естественными делами. Пока их делаешь, не надо выбирать, чем заняться. Но именно на тот день я как раз и выбрал занятие серьезнее некуда. Правда, сразу этого нельзя было сделать.

- Миш, пойдем сегодня к бабушке?
- А бабушка даст мне поквутить свейную масынку?
- Обязательно.
- Она мне говоила, сто даст. А когда мы пойдем?
- После обеда, сынок.

Хватало бы мне швейной машинки для радости, вообще бы от нее не отходил.

Таня, жена, в тот раз уехала на четыре дня к своей маме, с огородом помогать. В такую-то погоду. Меня она не звала, наверное, специально. Но и Мишу не взяла с собой.

Илья Ансеров родился в 1998 году в г. Чите, окончил Забайкальский государственный университет в 2020 году. Проживает в г. Рыбинске Ярославской области. Член Рыбинского отделения Совета молодых литераторов при Союзе писателей России. Победитель фестиваля им. Л. И. Ошанина (2023), лауреат третьей степени (2022). Публиковался в альманахе «Солнечный круг», журнале «Пролиткульт».

Защита от дурака, что ли, это была? Типа, в его присутствии я не стану. И в детский сад мы тем летом его не повели, чтобы я один не сидел... Хотя там кормили. Неважно, конечно, кормили, но дома не лучше.

Утром я малость волновался от своего решения. Вдруг все-таки случится что-то, что заставит передумать. Но лето было хуже всех предыдущих. Первое лето без работы, Таня с матерью на меня обозлились, а отец уже был явным кандидатом *туда*. Даже никакого футбольного чемпионата, ни мира, ни Европы. А нашу лигу к тому времени уже не смотрел. Вообще, кроме «Галилео», ничего хорошего, но до него еще дожить надо. Из Таниных сериалов мне ни один не нравился. И с самим телевизором тоже все было плохо. Почему-то вечером он ловил с подоконника, а утром антенну нужно было переставлять на высокую коробку, стоящую на самом телевизоре. А иногда вообще куда-нибудь на пол.

После завтрака надо чем-нибудь заняться. Я в те годы, конечно, хотел компьютер. С ним хоть весь день сиди. Но куда уж там. Ладно, хоть китайский DVD-плеер смогли купить, целый праздник был. Новых дисков нет. Книг тоже особо нет. Да чего тут сказать, не хочется абсолютно ничего. Ну, это обычно. В тот конкретный день уже не так было. Тогда я просто ждал, когда смогу остаться один. А Миша все-таки молодец. Как будто помочь хотел, поэтому не капризничал и не бесился. Мог даже сам себя занять. Сядет рисовать и рисует. Судя по тому, что на улицу не рвался, наверное, отдыхал от сада.

А что-то все-таки надо было делать, не просто ждать. На большом столе у меня стояла недостроенная, без мачт, модель греческой триеры сантиметров пятьдесят длиной, я ее в предыдущем году начал. Любил корабли с детства, в смысле, такие старые. И мастерил их из деревяшек разных. В райцентре у нас раньше даже кружок был. Но уж этот момент точно не подходил для того, чтобы за триеру браться. За полдня я ее все равно бы не закончил.

Смотрю, за окном солнце палит уже почти всюю, посреди комнаты молотит вентилятор. Нет, надо все-таки, чтобы Миша погулял. Таня тоже всегда говорила, что надо. Ему и жара пока нипочем, ведет себя как обычно, не жалуется. А мне уже было все равно. Так даже лучше: когда гуляешь, по крайней мере, занят ходьбой. Можно не придумывать себе ничего.

- Миш, пойдём-ка погуляем.
- А ты говоил, сто после обеда к бабушке.
- Нет, сейчас мы просто погуляем.
- В поле?
- Да...

Я открыл шкаф, чтобы переодеться, а там висела моя серая спецовка. Увидел ее и вспомнил опять о работе, на которой последний раз был в январе того года. Таня предлагала ее выкинуть, но вряд ли бы от этого стало лучше. Со спецовкой в шкафу или без нее я бы все равно не мог не думать о работе. Лучше оставить на память. Вот подумать только, работа у меня была совсем недавно, а теперь нет.

Работал я на кабельном заводе бронировщиком. Еще пацаном, помню, в родном райцентре, видел по телевизору короткий сюжет про этот завод. Родители тогда специально сказали мне: смотри, это нашу область показывают, *это у нас*. А передача вроде как шла на всю страну, почему они мне и сказали-то. Там диктор назвал огромные цифры в метрах продукции, а потом показали женщину в косынке, которая нажимала кнопки на машине. Завод известный был. Даже слышал вокруг: «Да я вот в город, на кабельный поеду». Но это в детстве. Потом стали говорить: «Да кто туда те-

перь идет!» И мне так говорили. Добавляли еще, что это для баб. А я не то чтобы горел желанием кабеля делать, но про завод хоть что-то знал. Вот этот сюжет по телевизору, например.

Последний раз довелось побывать там в начале апреля, когда нам все-таки решили вернуть часть долгов по зарплате. Смешные, в общем, денежки, десятая часть того, что не выплатили за три года. Но очередь была такая, что я полдня там простоял. Это недалеко от центра, такой небольшой скверик с тополями, за которым стоит проходная. Там еще были всякие поржавевшие стенды: Доска почета, ассортимент и «где работает наша продукция». Последний мне больше всего нравился: карта страны, ну, той, которой уже нет, наш город отмечен звездочкой, и из нее расходятся три десятка лучей. Типа, кабельный завод — это спрут, опутавший проводами целый континент. Там и другие страны были. Я вот про страну Лаос раньше вообще не знал, пока не увидел на этом стенде. Над проходной здоровые красные буквы из металла, которыми выложено название завода. Они даже когда-то были с неоновой подсветкой, но я уже этого не застал. И вообще много чего не застал.

Тогда, кстати, погода тоже была жуткая. Жара ведь не начиналась в один момент: раз, и все. Только сходил тонкий слой снега, как начинали гореть леса. Они почему-то раньше почти не горели, а стали вдруг гореть. Каждый год, почти в одно и то же время. Чуть потеплеет, и воздух наполняется вот этой гарью. Вроде бы вокруг ни одного пожара, но ты знаешь, что где-то горят деревья, а их в нашей лесостепной местности и так немного. Когда мы ездили с Таней к ее матери, я замечал, что лесополоса вдоль дороги отдаляется все дальше и дальше. И самое страшное, ты понимаешь, что за всем этим будет летний кошмар. Тяжело это — знать, что в такое-то время наступит какая-нибудь гадость.

В такой дымный день я, пройдя за проходную, стоял в очереди и последний раз оглядывал завод. Вот слева управление, где сидят инженеры и начальство и где была касса, вот справа большая столовая. За ними пять цехов, а в самом конце — большая площадка, где сотнями стояли деревянные катушки с кабелями. Дальше, за бетонным забором, начинался небольшой пригорок, на котором стояли двухэтажные дома, а по краю шла дорога. Классе в четвертом мы с мамой ездили в город за чем-то и шли по этой дороге. С пригорка открылся вид на площадку, и я увидел эти катушки в первый раз вживую. Тогда казалось, что их было бескрайнее море, разделенное только полосой, где стояли козловые краны, которыми катушки загружали в полувагоны.

Тут в очереди произошло оживление, и до меня донеслись знакомые голоса. Те, кто уже выходил из управления, собирались в группы и что-то обсуждали. Им, видимо, трудно было уйти, не дождавшись конца смены. Оказалось, что больше всего народу собралось вокруг невысокой бойкой женщины и коренастого дядьки с черными волосами. Это были замначальника моего цеха Нина Николаевна Ковардаева и старший мастер Александр Геннадьевич Кузнецов.

— Вот тебе, Сашка! Забыл, как за акционирование голосовал!

— Ой, Нина...

— Акциями хотел владеть, буржуй! Теперь пожалуйста, ни акций тебе, ни работы.

— Да сейчас-то какая разница, кто за что голосовал. Не могли мы знать тогда. Мы должны же были все дивиденды с прибыли получать...

— Должны они были! Ты до этого мало получал? Черта с два твои дети квартиру сейчас купят, а ты получил.

— Он получил, а я? Так и не дождался.

— Геннадьич прав, чего сейчас это все ворошить? Дальше-то, дальше-то что будет?!
— Ты вот, Нина, кричишь, а тебе до пенсии рукой подать. А мне целых десять лет еще, и дома орава бездельников. Хоть бы один сам себя обеспечивал...

— Будто на пенсию прожить можно! Только на коммуналку и хватает. За электричество снова подняли!

— На митинг пойдем, дадим о себе знать!

— Правильно, теперь один хрен, делать нечего.

— Да, против монетизации льгот ходили как, помните?

— Вот-вот! Тогда хоть отвернули маленько назад.

— Ну, значит, тряхнем.

— Тряхнешь ты, ага! Сам-то в прошлый раз не ходил.

После этого заговорила Нина Николаевна:

— Завод, конечно, пропал. Обмоточные машины каждый день вывозят. Но надо хотя бы долги с этого бандита Шелопугина вытрясти.

— Какая же мразь, а! Уже всех отпрысков в столицу перевез, на наши деньги! Вот они, Геннадьич, твои акции с прибылью!

— Так толку с этого митинга? Губернатор его шайку всю дорогу крышует.

— Без паники! Там все-таки разные люди есть. Арсланов точно поддержит. И вся их фракция. По телевизору в любом случае покажут. Так что идти обязательно надо!

Тут очередь зашевелилась сильнее. Люди стали прислушиваться, ходить туда-сюда, передавать то, что услышали. Другие, те, кто наш цех совсем не знали, оставались на местах, боясь потерять место в очереди, но постоянно перешептывались. Я как раз зашел в здание и перестал слышать то, что происходило снаружи, но передо мной заговорили два мужика лет под сорок, молчавшие до этого:

— Шелопугин... Я с ним в одном классе учился.

— Да ну?! Ты не говорил раньше.

— Чего про него говорить. У вас в школе учебный комбинат был?

— Ну да, я на шофера ходил.

— А мы на слесаря, и Саша тоже. Пару раз в локомотивном депо были, так он все говорил: вот бы, мол, блок тиристоров спи..ить!

— Какой-какой блок?

— Это полупроводники какие-то, дорогие очень. Видишь, тогда уже он знал, как жить надо.

— Так ты попроси его по-дружески, чтоб он с нами со всеми рассчитался! — вмешался третий.

Вышел я примерно через час, и во дворе было уже тихо. Участники оживленного разговора разошлись, и стояли с сигаретами и без, не желая сразу уходить, уже другие люди. В наш цех зачем-то ломился незнакомый мне дед в облезлом пальто, которого отпихивал угрюмый охранник. Посмотрев на него немного, я вышел за проходную. Там тоже сновали люди. Я остановился сначала, но заметил у стенда «Где работает наша продукция» компанию парней и девчонок, тоже с нашего завода. Они лузгали семечки и матерились, вообще были похожи на большинство моих поселковых одноклассников. И на тех, которые собирались у нас в подъезде, садились на деревянные ящики, стоящие на лестничных клетках, и всем мешали. Я двинулся мимо них на остановку.

Там стоял Кузнецов. Он в это время года всегда одевался в светлые джинсы, футболку «DIESEL» с китайки и старую шерстяную кофту, а на плече висела черная тканевая сумка, тоже с китайки. Тогда почти все шмотки там покупали. Такая же сумка была у меня в старшей школе и в институте. Я стоял в паре метров от него, а он огля-

дывался по сторонам и вдруг посмотрел на меня, поздоровался. Я ответил ему, а он продолжал смотреть на меня с растерянностью и досадой и, видимо, ждал, что я ему что-то скажу. А я и не знал, что надо говорить, поэтому сделал вид, что занят другим вопросом, отвернулся. Моя маршрутка приехала раньше, он остался там, а я поехал домой и думал об этих «стариках»... Да мне ведь самому тогда уже было под тридцать, но они, кто старше лет на десять, пятнадцать, а уж тем более двадцать, были очень далеки. Особенно последние, да. Они постоянно чего-то ждали, ждали, что им кто-то поможет, надеялись, цеплялись за это все. Ведь понятно, что заводу конец, был он, да сплыл. Понятно, что больше им ничего не дадут. К чему понапрасну верить? И ведь я даже умудрялся злиться на них. А вдруг им все-таки что-то еще достанется.

Елки-палки, какая же глупость! Ведь они, эти люди относились ко мне так хорошо, как никто и нигде. А я просто с детства не привык общаться со старшими, в смысле с сильно старшими, а не с теми пахнувшими куревом парнями, которые приходили на футбольное поле со своим мячом и обрывали нашу игру на самом интересном месте. Папа с мамой, дядя, тетя — они родные, с ними само собой говоришь от случая к случаю. А так они все были замученные, занятые чем-то своим. В школе, по-моему, учителям было пофиг на нас, а нам на них тем более. Я школу в конце прошлого века окончил.

Поступил в институт на бюджет. Специальность была новая, но такая, что я толком и не мог близким объяснить, где и на кого я учусь. То ли обустройство природы, то ли что-то экологическое. Вообще, я люблю природу. Папа часто водил нас в райцентре по сопкам, а я оттуда фотографировал на пленочный «Зоркий». Наверное, на этих сопках мне было лучше всего, из всех мест, где доводилось бывать. Но с институтом сразу не пошло. Меня почему-то не признали, хотя ребята в основном так же, как я, с области съехались. Но у себя ко всем привык, а эти сразу записали в те, над кем подшучивать надо. Как будто роли распределяли, кто кем будет. Кто там более или менее учился? Все кое-как, включая меня. Чуть ли не после каждой стипендии в клуб ломились, на рейвы, кое-кто потом и про вещества рассказывал. Вот только сосед по общежитию у меня был — тот никогда не подшучивал и по клубам тоже не ходил. Слушал «Пурген» и Александра Лаэртского. Мы с ним и его знакомыми в компы ходили вместе. В квесты играли всякие, в первых еще «Дальнобойщиков», или просто в пинбол. На парах он сам меня к себе подзывал, спрашивал про всякое, я ему рассказывал про модели парусников... А вот второй сосед — гоппик натуральный. За первый год в КПЗ попадал несколько раз, но ко мне неплохо относился.

А преподавателям в основном все надо было, чтобы мы активность делали. За оценки в зачетке тоже спрашивали, но все больше за активность, участие во всякой фигне. И оказалось так, что я в группе самый неактивный. С меня и спрашивали, вот куратор со мной беседовала: почему, мол, учишься кое-как? А почему у меня спрашивать надо, а не у Карпачева, например, ведь этот наглый лось не лучше меня учился. К нему претензий не было, за все опоздания и пропуски угодливо извинялся. Я так не умел. Да и в чем вообще смысл этой специальности? Куратор говорила, что надо хвататься за то, за се, успевать раньше других и все такое. А если нет, так иди чахни на кабельный. И чего, говорит, ты хочешь вообще? А я и не знал.

Еще случай был. Предмет типа культуры русской речи. Женщина лет сорока вела, во всякие астрологии и мистики верила. Так меня угораздило при ней сказать про пенсию отца по инвалидности, что мы подсуетились и нам ее дали. Так эта тетя всю оставшуюся пару рассказывала, какое это дьявольское слово «подсуетился» и как я плохо говорю. Так с тех пор одноклассники говорили: «Ну че, Степашка, подсуети-

тился?» В общем, три семестра отучился, стипендию на компы извел, и в армию меня забрали. Мать боялась, что на Северный Кавказ попаду. Попал в Ленинградскую область, из гранатомета пострелял. Вернулся и на кабельный устроился.

Работа пошла. Рутины, конечно, хватало, кабель штука не самая хитрая. Сан Геннадич поставил одну тетку-бронировщицу мне в наставники, она научила тому, что надо. Помню, один раз по моей вине кое-что поломалось, и брак вышел. Вызвало меня к себе начальство цеха. Самого начальника я и не запомнил толком, а говорила Ковардаева в основном. Сначала, конечно, про технику безопасности, что я должен был так-то и так-то сделать, потом перешла на ту тему, о чем меня куратор в институте спрашивала, чего я хочу. С тех пор я не узнал толком, чего хочу, но сказал, что семье надо кормить. Таня была уже у меня, и Миша должен был скоро родиться. А дальше я удивился. Ковардаева сказала примерно так: «Да, зарплаты у нас небольшие, но не мы их устанавливаем. А так ты, вообще-то, правильно сделал, что к нам пошел, такой молодой, молодые к нам сильно не идут, все пенсионеры дорабатывают. Работа есть (была еще тогда!), но зарплату начальство невысокую держит, иначе кабеля будут намного дороже китайских». Сказала еще про участок, что из-за ошибки одного все страдают. Вот примерно так было.

Когда я вышел, с радостью понял, что с завода меня не выгонят, во всяком случае, пока он работает. А еще поймал себя на мысли, что я на Ковардаеву не злюсь так, как злился на куратора. Стояло что-то за ней такое, что позволяло мне допускать эти вопросы. Вот куратор наглого лося уважала, а Ковардаева — Кузнецова. Мастер ведь нормальный мужик, его как бы и уважать есть за что. Кстати, меня в цехе даже хвалили за то, что я «не наркоман какой-нибудь». Я почти не отзывался, отмалчивался. Отрабатывал то, что было нужно, уходил и забывал о заводе.

А спустя месяц после похода за расчетом я понял, что Нина Николаевна — это та самая женщина в косынке из репортажа по телевизору. Именно она нажимала на кнопки и сказала про достойную встречу великого семидесятилетия, или как там. Тот же самый человек! А прошло лет пятнадцать. Тогда мало кого показывали по телевизору. Это был какой-то совсем другой телевизор, и мне вообще с возрастом стало казаться, что таких, как она, никогда и не показывали.

Спецовка осталась в шкафу. Я надел футболку и шорты, переделанные мамой из порвавшихся ниже колен штанов. Они, конечно, так себе, но кому какая разница? Тем более что я принял решение.

Миша медленно натягивал комбинезон с китайки. Ему, видимо, не очень хотелось идти в поле. Мне тоже не очень. Там плохо, и в квартире плохо, но в квартире плохо немного по-другому.

— Папа, а давай ты купи батонтик «Мавс»?

— Ой, Миша...

— Мы с мамой ходили в киоск, я пвосил купить, а она, она сказала, сто ты папу попвosi.

— А мама не говорила, что зубы портятся?

— Пво зубы не говоила.

Мы спустились и вышли из подъезда во двор. Во дворе еще не так страшно, как за домом. Он обычно в тени дома, и там не так жарко. Но хорошего мало. Две карусели — одна ржавая и не крутится, а вторая еще ржавее и выдернутая из земли. Металлическая горка, куча, напоминающая песочницу, и все. Дальше газгольдеры за серебристым заборчиком, а рядом с ними тополь. Один на весь двор. За следую-

щим домом остановка, откуда желтые «газели» уезжают в город. В этом районе всегда так говорили — «ехать в город». Мы с Мишей еще оба посмотрели в ту сторону. Он, думаю, потому, что на остановке были почти все магазины, и там можно было купить «Марс». А я, конечно, вспомнил о том, как ездил на работу. Но мы не сказали друг другу об этом и пошли обходить дом, чтобы выйти в поле.

Район назывался ЗЯБ. Я очень долго не знал, что это значит, но когда первый раз услышал, сразу подумалось о чем-то далеком от центра и очень странном, если даже не страшном. Ну а как еще, если все говорили: «С вашими деньгами квартиру только на ЗЯБе купишь». Чтобы туда попасть из города, нужно было долго ехать через бесконечный частный сектор из низких кривых домов, которые топят дровами. Потом этих домов было все меньше и меньше, растворяясь в степи, пока по одну сторону дороги не появлялась кирпичная стена высотой метров пять с надписью «ЗЯБ 1987». Один раз зимой Таня сфотографировала меня с годовалым Мишей на руках на фоне этой стены. Я там в старой дубленке и желто-зеленом шерстяном шарфе, связанном мамой. Шарф был страшно колючий, кстати. А за стеной чуть больше десятка домов, это если не считать недостроенных, пара магазинчиков, детский сад да котельная. Она как раз за нашим домом, ее было хорошо видно из окна.

Я не знаю, как это возможно, но на ЗЯБе почти все выглядело так, что чего-то не хватает. Была целая куча больших и маленьких пустырей со скошенной травой и выкопанными котлованами разного размера, явно говорящими о том, что тут что-нибудь собирались делать, но так и не построили. Повсюду битый кирпич и обрывки проволоки. Деревья были только во дворах, а снаружи район казался почти голым. Только вдоль дороги из города высадили прерывистый ряд тополей. Улица всего одна, на все дома. И здесь ты не ощущал себя ни в городе, ни в селе, ни даже в чем-то промежуточном. Нет, дома, конечно, городские, но в городе же должно быть много людей и какая-то основательность. А здесь ничего подобного.

Когда мы с Мишей подошли к краю дома и вышли на солнце, я сразу увидел на асфальте в паре метров от себя двое длинных усов, торчащих из черного пятна, — это стригун так называемый. Здоровый черный жучара, размером обычно с трех тараканов. А усы у них бывают в два или три раза длиннее их самих. Они в тех краях попадались летом и раньше, по детству я их помню, но как началась эта засуха, их стало много. Наступит середина июня, воздух прожарится, и везде визжат женщины (иногда и мужчины), на которых стригуны садятся. Жучары летали по-дурацки, медленно и как бы стоя. И если ты с ним сталкивался, то ему непременно нужно было на тебя сесть. Стригунами их звали потому, что они как будто могут усами волосы отстричь, хотя ни на что такое способны не были на самом деле.

Это вообще история целая. Я когда работал еще нормально, ходил на рынок за продуктами. Пришел один раз туда, и мне на плечо стригун сел. Я его схватил за ус и швырнул не глядя. Швырнул, а потом только стал думать, куда он полетит. И сам он крылья не расправлял, летел, как мертвый. Смотрю, тетка идет по рынку, такая широкая, взмокшая, с тяжеленными сумками. Конечно, жучара на нее и упал, прямо за спину. Такой вопль раздался, что я поспешил оттуда подальше уйти. Таня один раз домой принесла в волосах, только в душе обнаружила. А еще я как-то летом на балконе полки делал для Таниных цветов. Стригун сел на руку, а я от неожиданности ее отдернул и об угол доски кисть поцарапал. Жучара упал на перила балкона. Ну, я разозлился и со всей дури бахнул по нему. Оказалось, внутри они зеленоватые.

— Папа, а это и есть ствигун?

— Да, сынок, он...

— А мне в садике мальтик сказал, сто у него бват подзывает ствигунов бензином. Во дает! Я-то их просто в костер кидал в детстве, а этот догадался бензином жечь!

Вышли за дом. Можно было прямо пройти в поле мимо котельной, но не хотелось ломиться через овраг, и мы стали обходить ее. Здесь шла, можно сказать, граница жилой зоны, прочерченная теплотрассой, уложенной в широкий бетонный короб. Миша любил, когда мы ходили по этому коробу, а не по тропинке. Я поднял его за руки и поставил на короб, а сам запрыгнул следом, и мы двинулись дальше. Теперь котельная была слева, а справа — соседний с нами дом. Посередине этого дома, на одной из лоджий первого этажа зачем-то висели большие уличные часы, на которые Миша каждый раз смотрел, когда мы проходили мимо этого места. Когда он был помладше — говорил «Сисй». А потом стал так:

— Папа, сясы! — говорил и дергал меня за руку.

— Угу, — кивал я.

Уже за тем домом теплотрасса заворачивала влево и ныряла под котельную. Дальше были ворота котельной, куда самосвалами завозили уголь. Когда ворота были открыты, было видно два стоящих за ними старых бульдозера, один желтый, а второй — красный. Миша тоже их любил. Однажды даже упросил меня зайти за ворота, чтобы близко на них посмотреть. Я боялся, что выгонят, но находившимся там мужикам было пофиг. А в тот раз ворота были закрыты.

— Папа, а твактовов сейсяс не видно.

— Не в-в-видно! — ответил я, отмахиваясь от стригуна.

Потом мы завернули за котельную и уже прямым ходом пошли в поле. Справа там была большая заброшенная стройплощадка с вырытым котлованом — по ней даже нельзя было понять, что там хотели построить. Еще дальше была пара домов, и район с той стороны заканчивался. Чуть-чуть пройти, постройки по краям глаз исчезали, и открывалась пустота поля.

А там к стригунам еще кое-кто добавлялся. Уже метрах в двухстах от построек всю летала саранча. Вот ее я до этой засухи никогда не видел и думал, что у нас не юг какой-то, чтобы тут она летала. А она возьми и прилети. Ей, оказывается, необязательно были нужны богатые урожаи и хватало, видимо, тех дурацких кустов бледно-зеленого цвета вроде полыни, которые в этом поле росли. Она, конечно, не сплошной стеной летала, но от нее небо все равно казалось грязным стеклом в маршрутке, которое нужно протереть снаружи. Намного больше было кобылок. Это почти как саранча, только нелетающая, ближе к кузнечнику. Только кузнечики другие, они приятнее. Есть ярко-зеленые, есть бурые. А эти ни то ни другое. Спереди они темно-зеленые были, а сзади коричневые, и сгибы задних ног как будто поджаренные. В общем, сразу было понятно, что это что-то нехорошее. Песенку детскую про них бы точно не написали. И их была тьма. Они сбивались в почти сплошные ручьи, которые струились по намертво разошедшей земле. Я на эти ручьи старался не наступать и следил, чтобы Миша не наступал. Иначе всю подошву облепят, и обувь будет скользить.

Поле непрерывно стрекотало и трещало. Окаменевшая желтая твердь. Хорошее слово придумали — марево. То есть не хорошее, а точное. Это горячий слой воздуха, в котором размывается свет. Оно хорошо передает ощущения от жары. В нем чувствуется такая вот пленка, которая обволакивает тебя так, что ты будто бы лишаешься некоторых своих способностей. Теряется сознание, нарушается ход мыслей. Ты вроде уже не ты, а иное существо, приспособившееся к новым условиям. Вот оно — главное чувство. Под конец мая чувствуешь, как марево медленно, но верно наступает. Недели пол-

торы — и все. Я начинал тяжело дышать, переходил на какой-то автопилот, переступая через кобылок и таща за собой сына. Мы были одни наедине со стрекочущими существами в их мире, растворялись в нем. В поле, на котором, наверное, уже ничего никогда не вырастет, которое может только убивать живущих, поглощать их. Говорят, саранча может съесть хлопковую одежду...

Для нас с Мишей это не впервой было, но он почти не обращал внимания на саранчу и кобылок, как и на стригунов. А тут я увидел, что он таким растерянным выглядел. Не то что испугался, а только догадываться о чем-то начал. Эх, да хоть бы ему всего этого не чувствовать!

— Па-а-па, а, а, а с-сто это?

Я задыхал еще тяжелее. Сынок, что же я могу тебе дать? Что я сам узнал в жизни, чему научился? Ковыряться в «москвиче», клеить кораблики и бронировать кабели? Что я хочу? Ничего и никогда не хотел. Не научился хотеть. Я знал, что есть какое-то «надо», а «хотеть — не вредно», мне мама это чуть ли не каждый день говорила в детстве. Все. К горлу подбирался ком. Нет, только сегодня! Но пока надо Мише помочь. Я отпустил его руку и, насколько мог изобразить бодрость, сказал ему:

— Смотри, Мишаня, как мы ее сейчас!

Потом вышел чуть вперед, расправил руки и стал поднимать правую ногу, выцеливая саранчу. Вот одна летит на меня. И я, как настоящий форвард, замахнулся и выбросил носком вперед ногу:

— Н-н-на!

Получился даже стук крылатой твари о кроссовок. Она, переворачиваясь, красиво полетела от меня вперед и шлепнулась вверх ногами. Я попал. Чем тяжелее существо, тем сильнее оно ощущает удары. Комара с ноги не убьешь, а саранчу, выходит, можно. Миша засмеялся.

— Папа, давай ессе!

И я стал делать еще. Сначала пару раз махал ногами мимо и чуть не падал, а потом пошло. Пинал с подъема, подбрасывал саранчу вверх, одну запнул с дороги далеко в кусты. Миша, глядя на меня, тоже давай махать, пытаюсь какие-то новые движения придумать. Высоко ноги поднимать у него не получалось и сильно пнуть тоже. Тогда он стал подпрыгивать и прихлопывать саранчу стопой. Сандалики надо будет теперь отряхивать от нее. Но ему понравилось, и он больше не тревожился. На двоих мы с полсотни задавили, пока я не устал. Ведь всех не передавишь, от всего не отпинаешься. Но у меня получилось сделать так, чтобы Миша не боялся. Хоть это.

Мы дошли до развилки. Широкая тропинка заворачивала налево, а вперед уходила узкая. В этом месте уже было неплохо видно то, что находилось в конце поля, — цеха за бесконечно широким забором. Зброшенные, конечно. То есть там и крыш-то со стенами не было. Были колонны с поперечными фермами, такими, с отверстиями. Вот это, оказывается, и был ЗЯБ — Завод ячеистого бетона. Мне это только года через четыре после переезда полупьяный мужик на остановке рассказал, которому на пиво не хватало. Дотуда идти было еще километр. Я сдуру один раз потащился туда с Мишей вместе, он сам меня заставил, чуть не плакал. Подошли почти, стало видно, что в этот ЗЯБ насыпь для путей заходила. А там раз, и тетка с ротвейлером. Ну, пес нас учуял и как побежит. Я думаю, что делать, душа в пятки ушла, но тетка вовремя окликнула его, и он к ней вернулся. Тане не стал рассказывать, а то загрызла бы хуже ротвейлера.

Шли дальше... А на следующей развилке велосипедиста встретили. Такого профессионального, в шлеме. И как он только от саранчи отмахивался? Он поехал даль-

ше в поле, а мы пошли к дому. Я там еще раз повеселил Мишу пинанием насекомых. И он смеялся. По левую сторону район как на ладони, даже наши окна видно. С правого края родительский дом, куда мы пойдём после обеда. Почти самый последний. А еще правее метров на пятьсот и подальше в поле была другая наша достопримечательность — три недостроенных панельных башни. Они стояли, как дети, которых из общей компании выгнали или даже не принимали в эту компанию.

Одна панелька была почти достроена. То есть в ней уже были все положенные десять этажей, но внутри было пусто. Правда, на первых трех этажах даже были вставлены оконные рамы, но их еще до нашего приезда расколошматили. И почему-то именно она выглядела самой зловещей. Две других, брошенные на третьем-четвертом этажах, не были видны издалека, а эта торчала почти отовсюду. И особенно зловещей она казалась мне летом, в ясную (хотя ясно было почти всегда) погоду. Вот подойдешь к ней с главной дороги, со стороны района, а она отсвечивает солнце такими маленькими светло-синими плиточками, которыми облицованы панели, и зияет пустыми окнами. Можно было встать в нужное место и правильно голову повернуть, и тогда казалось, что она стоит совершенно одна на голубом горизонте, торча из высохшей земли. И если смотреть очень долго, начинало казаться, что вокруг тебя все исчезает, что еще чуть-чуть, и, оглянувшись по сторонам, не увидишь ничего, кроме земли и горизонта, даже сопки вдалеке. У нас дома книжка была про Маленького принца с картинками, и там одинокие люди на маленьких планетах. И вот у меня бы была такая планета, на которой я и эта панелька.

А прямо за ней стоял башенный кран без стрелы. Чтобы его увидеть, надо было пройти дальше, за дом. Вот так идешь, видишь недостроенный дом, само по себе зрелище, а за ним еще и кран этот, как какой-то бомж, прячущийся от людей. Когда дули сильные ветры, он раскачивался и скрипел, но до сих пор не шлепнулся на землю. Ограждения давно развалились, поэтому можно было совершенно свободно подойти к нему вплотную и даже залезть наверх! Я-то, конечно, не лазил, но у местных пацанов было такое развлечение. Говорят, кто-то и падал. Вот такое место.

И я приходил туда из раза в раз и иногда даже Мишу водил, хотя Таня ругалась. Мог бы туда не ходить, но надо было хоть что-то менять. Я круг делал, по сути. Во всех местах круга было погано, но погано по-разному. Вся жизнь тогда стала хождением по этому кругу. Часто ловил себя на странном желании, чтобы все стало каким-то совсем страшным, совсем зловещим. Казалось, что уже только страх меня двигал. И не такой страх, как боятся каких-нибудь мышей или вот саранчу ту же самую. Испугался, отряхнулся и дальше пошел. А большой и постоянный страх, не с конкретной вещью связанный. Возле панельки с краном сильнее всего казалось, что жизнь уже перешла в другое состояние, мир перестал быть таким, каким мы его знали. Где людей осталось очень мало, а вместо них — призраки их существования в виде навеки брошенного металла и бетона. Вообще, в любое время года, не только летом, на ЗЯБе было мало людей. Конечно, лучше жить в другом районе, да где бы мы денег взяли без кредитов? Так хоть зарплату могли на себя тратить. Пока она была.

А с поля кран как раз было хорошо видно. Миша спросил тогда:

— Папа, а ты говоил, сто кван больсе не дей... дей... свуюсий.

— Да...

— И он больсе не будет ваботать?

— Ну я же говорил тебе, что не будет.

Я действительно говорил. А Мишу это почему-то разочаровывало.

— Папа, а я наисую кван, котовый дом ствоит. Он будет дейсвуюсий. И ессе кваны будут.

Ему очень понравилось, видимо, слово «действующий». Интересно, дети не боятся по-настоящему, так как боятся взрослые. И им кажется, что если что-то нарисовать, оно и будет на самом деле существовать, достаточно будет тебе нарисованного. Я пацаном тоже так думал про свои нарисованные корабли.

Мы пришли домой, и Миша сразу стал краны рисовать, а я смотрел телевизор. То есть не смотрел, а просто сидел. Все, что я делал, это ждал. Обедать еще рановато, поэтому осталось ждать. Как-то просуществовать до обеда. Потом Миша стал свои работы показывать — он нарисовал широкую улицу, а по обе стороны — высокие дома с кранами. Ну, похвалил его. А дальше стали по DVD «Ералаш» смотреть, который просмотрен и пересмотрен раз по сто пятьдесят. Но лучше он, чем те мультики, которые идут по Девятому каналу. Эти жуткие трехмерные дети с огромными лбами или кривые животные, названные с какого-то перепугу бобрами. Чего там только нет. Лучше было по несколько раз объяснять Мише, в чем смысл сюжета «Ералаша». Он их плохо понимал, но очень любил. А смысл некоторых старых сюжетов и я сам не всегда понимаю. Там три минуты как целый фильм. Вот где один мальчик у доски отвечает, а второй появляется из доски и удивляется: чего ты, мол, Витек? Витек за доску заглядывает, а тот там поет на сцене. Как объяснить? Я даже о своих планах ненадолго забыл, пока смотрели. А новые серии не надо объяснять, в них самое смешное в конце, поэтому всегда понятно, где смеяться надо.

Вот когда эти новые серии начались, я уже пошел обедать. Тогда мы очень часто ели покупные вареники с картошкой и грибами. Сносно, в принципе. Главное, что дешево и быстро. Только иногда попадались горькие и противные. Вот так наварить кастрюлю целую и есть потом горькие вареники, пока не кончатся. Я больше любил у себя на кабельном есть — там какой-никакой, но все-таки комплекс.

После обеда одел Мишу и долго ходил туда-сюда. Не надо было, конечно, вызывать у него подозрений, но сдерживаться было сложно. Ну вот ходил так, зашел в санузел и смотрю — маленький газовый ключ лежит. Старый, советский ключ голубого цвета. На нем еще цена была выбита. «Ключ надо отнести», — думаю.

— А засем бабуске ключь? — спросил у меня Миша. Я, оказывается, вслух сказал.

— Не бабушке, а дедушке.

— А сто, дедуска будет ключем ваботать?

— Нет, уже не будет.

— А засем ему тогда?

— Ну, это его ключ.

— А засем ему, если он не будет ваботать?

— Действительно!

Но ключ решил отнести. Это будет дополнительный предлог для похода. Одетый Миша меня ждал, смотрел рекламу по телевизору. Ему нравилась та, где две блондинки жвачку изображали. Он потом спрашивал на улице:

— Папа, а посему одна говоит «подвюзка», а втовая говоит «подуска»?

— Не знаю, платят им за это, вот и говорят.

Я, наверное, слишком сильно тащил его к родителям тогда. Он чувствовал, что что-то не так.

Родители жили в такой же десятиэтажке, как те недостроенные. На ЗЯБе мы поселились одновременно с ними. Я с Таней тогда уже расписался, и жили вдвоем в большом общежитии, где и кабельный своих селил, и то ГПТУ, где она училась. Родители

решили уехать из нашего райцентра в город. Дом у нас там хотя и очень хороший был, с гаражом, с участком, но с его продажи мы сделали целых две квартиры — однушку и двушку! Еще, правда, отцовский «москвич» пришлось продать, его, конечно, жалко. А так только рады были. Таня потом говорила, зачем моим родителям двухкомнатная, пустили бы лучше нас туда. Может, и пустили бы, если б не младшая сестра. Она года через три после переезда школу окончила и уехала учиться во Владивосток.

Когда мы въезжали, во дворе их дома трава росла, а к тому времени она вся высохла, и машины ее изъездили. Деревьев не было, один только кустик чуть поодаль, у ковровой выбивалки. У нас хоть целый тополь стоял. И главное, дом родительский не до конца заселенный был. Десятка два пустых квартир. Маме соседка рассказывала, что в них даже не заселились. А кто-то продать не смог и просто уехал. Вот в одном месте была квартира с раскученной дверью, открытая. Там собирались всякие целый год, пока не закрыли. Вот живи так, когда рядом с тобой пусто.

Когда мама открыла дверь, я поздоровался с ней, и сразу напряжение возникло. Мой вид, похоже, ее не радовал. Но Миша здорово разрядил обстановку:

— Пивет, подуска-а-а! Хы-хы-хы!

— Ты что такое говоришь, а? Бабушка, а не подушка! Из телевизора научился, — киваю маме.

— Да понятно. Мишка, чай будешь?

— Да какой чай, мы пообедали только что.

— Знаю я, как вы пообедали. Пойдем, маленький!

— Бабушка, а у тебя есть «Мавс»?

— «Рыжий Ап» есть, сырок для суперагентов!

Мама с Мишей на кухню ушли, а я поздоровался с отцом. Он тогда уже редко ходил и в основном лежал на диване. Говорил тоже редко и мало. Бывало, часами не говорил, а иногда раз, и заговорит, как до инсульта. Но нечасто. Вот он так лежал, и никуда не денешься. Не вылечишься. Осталось только лежать и дожидаться. Я пытался себя убедить, что мне надо хотя бы дождаться его, но думать об этом ожидании было невыносимо. Тогда хотелось просто посидеть с ним в одной комнате. Оставался еще в нем дух *того* человека, который был раньше.

Телевизор у них тоже неважно показывал, потому что телебашня от ЗЯБа очень далеко стояла. Телик корейский вроде, его кому-то из родителей дали вместо зарплаты в девяностые. По экрану шли сверху вниз кривые полосы ряби. Если бы не звук, вообще ничего не было бы понятно. Я поковырял антенну и сел в старое кресло у голлой крашеной стены. А напротив, у другой стены, диван с отцом в зеленых трусах в горошек и темно-синей футболке, заложившим руки за голову и согнувшим в колене правую ногу. Бывало, что он не вставал часа по четыре, и в это время у него было два режима: он либо просто дремал, либо «бодрствовал», заложив руки и согнув ногу.

Хорошо помню, как мы с ним смотрели нашу последнюю игру на чемпионате мира 2002 года. Да, то как раз было первое засушливое лето, и Таню с Мишей только выписали из роддома. Я начал смотреть у нас и видел, как мы пропустили, а к перерыву Миша заснул, и я пошел к родителям досматривать. Прихожу, а счет уже сравнили. Но игры не было никакой. Камера постоянно показывала Романцева с сигаретой, какого-то пустого, прозрачного. Тренер соперников все бегал, руками махал, а наш всю игру просидел с этой сигаретой на одном месте. Даже ничья гнилой казалась. Ну, потом второй пропустили, третий. Комментатор (их два было) стал рассказывать, что проиграли мы потому, что двух защитников не подготовили. Только и делов. Вот же чушь какая! Когда под конец один гол отыграли, стал говорить, хватит ли мол, времени, чтобы отыграться. А второй комментатор «прибил» его сразу же. Уверенно так сказал:

«И даже если хва-атит! Все равно-о нужно делать правильные вы-ыводы! С такой игрой на чемпионате мира делать не-ечего!»

Это реально удар был. Вот тогда впервые в жизни появились ощущения какого-то конца. Отец еще шевелился более-менее, но стало ясно, что он станется на этом диване навсегда и больше не поднимется. Он все любил говорить, как раньше «за идею» играли, а мне было ясно, что эта идея куда-то далеко улетела. И та позорная игра подталкивала его в то же самое место. И засуха опять же началась... Хотя чемпионат интересный был. Когда наши вылетели, мы за корейцев болели.

А тут уже Миша ко мне подбежал с пустой упаковкой от сырка.

— Папа, смотви! Я съел сывок для су-суп-супев-агентов!

— Молодец...

Что я еще мог ему ответить?

По телевизору шел наш старый боевик, где милиционер на «шестерке» гонялся за бандитами на угнанном тягаче. Там еще музыка была из восьмидесятых, с такими постоянными синтезаторными хлопками. Мише это все очень понравилось, только он почему-то стал «болеть» за бандитов на тягаче, а не за милиционера, кричать ерунду всякую. Когда мама услышала, ее это очень разозлило, она даже пригрозила телевизор выключить, и я попросил Мишу смотреть спокойно. Когда тягач въехал в гору песка, мне показалось, что уже можно уходить, но при этом хотелось какой-нибудь маминой реакции, чтобы мы молча не расставались. Тогда я резко встал с кресла, а она попросила помочь снять белье с лоджии.

Я пошел за ней и взял с тумбочки в коридоре принесенный ключ.

— Вот, — говорю, — газовый ключ возвращаю, отцовский.

— Держал бы у себя.

И когда мы уже отошли от комнаты с лежащим папой, тихо добавила:

— Ему уже не понадобится.

— А мне теперь тоже не понадобится.

Мама насторожилась, но ничего не сказала. Мы вышли из второй комнаты, где жила она, на лоджию, и я пошел к стоящему на полке старому инструментальному ящику, чтобы положить туда ключ. Сразу не положил и стал вертеть его в руках. Задумался.

Тогда я еще не пошел в школу. Папа с соседом чинил наш «Москвич-412». Мне было, конечно, интересно, что они там делают, но крутиться возле взрослых мужиков стремно. Ладно бы отец один, а тут сосед. Я ходил по двору туда-сюда, играл с собакой. И слышу их разговор про то, что они что-то поставили и надо закрутить, а руки заняты, иначе трубка упадет и все такое. А папа сказал:

— Вот мы сейчас Степана попросим! Степа, иди сюда!

Я сразу прибежал.

— Важное дело тебе доверяем. Возьми-ка ключ.

А там только вот этот газовый лежал. Для машины он и не подходит, но другого там не нашлось. Папа тоже это заметил, и выяснилось, что обычный ключ у них куда-то завалился. Пришлось взять газовый. А я еще и не доставал до капота. Ну, сразу чурку какую-то подкатил, залез на нее.

— Вадик, подвинься, дай дорогу мастеру! Ну, давай, сынок, все от тебя зависит.

Тяжеловато было крутить газовым ключом винты, но я закрутил. А папа с соседом давай меня хвалить. Потом пошли мне конфеты покупать. Себе еще пива заодно.

— Ну, клади уже! — окликнула мама. — На держи таз.

Я положил ключ и взял таз. Родительская лоджия выходила прямо туда, где стояли недостроенные панельки. Мимо их дома и шла далеко в поле широкая дорога, на обочине которой они стояли. Там, видимо, хотели сделать целую улицу и асфальт положить, но осталась только изрытая следами тракторных гусениц земля. Вот попробуй продай такую квартиру теперь, в которой утром из темноты появляются эти панельки в пустом поле.

Мама стряхнула стригуна с высушенной наволочки и кинула ее в таз.

— Да почему же это все, а? — говорю.

— Вроде бы какие-то дожди обещали.

— Они постоянно обещают. Недели две назад наобещали, и что? Тучи ходили весь день, а ни капли не упало.

Мама не ответила, продолжая собирать белье.

— Этим летом пыльных бурь почти нет. А помнишь, в прошлом году в июле в полдень свет включали? Темно когда было?

— Да, числа десятого, кажется.

Она собрала белье и собиралась уходить. Тогда я сел на старую табуретку и поставил таз на колени.

— Мама, ты в городе когда была последний раз?

— Три дня назад, за нитками ездила.

— Ордуй, поди, высох совсем. Я был последний раз недели две назад. Страшно переезжать стало через него на маршрутке. Помнишь, раньше вода на плитах плескалась, ну, которыми берег укреплен? Теперь вообще до плит не добирается, и на голых камнях мусор, стекло битое.

Мама в ответ вздохнула.

— Я в тот раз Карпачева встретил, одноклассника. Иду, смотрю, стоит у белой «короллы», по телефону болтает. «Сони Эрикссон» раздвижной, камера, поди, два мегапикселя. Думал, не заметит меня, а он такой сразу: «О-о, Степка, ну че, все суетишься?» Хотел отвязаться от него, а он давай на озеро звать. Затусим, говорит, девочки будут. Я ему говорю: иди ты со своими девочками, я, мол, женат. А он говорит: так и я женат. Ну, потом сказал ему: «Да скоро высохнут все ваши эти озера к чертям собачьим, и вам в этой пустыне бухать негде будет». И ты представляешь, что он ответил?

— Ну, и что?

— Да вот что! «Поедем в другое место, на наш век воды хватит». Так и сказал.

— Отдай таз, я унесу...

— У-у, опять ты не слушаешь. Так вот таким, как Карпачев, вообще все равно. Живут себе, как будто ничего не случилось.

— Ах, ну живут себе и живут, чего ты к ним привязался? И не знаю я никакого Карпачева.

— Сто раз рассказывал...

— И мне тоже надоели твои причитания. Одно да потому, пустыня, засуха. Нам же тоже тяжело все это переносить, живем, как на сковородке. У сестры в огороде саранча все сожрала. Но мы что можем сделать, Степа?! Что мы-то с тобой можем?! Зачем повторять каждый раз одно и то же?

— Не может быть, чтобы в этом никто не был виноват. Не могло на ровном месте все высохнуть. Кто лесополосы вырубает?

— Ой, ну откуда я знаю.

— Шелопугин точно вырубает. И Карпачев бы тоже вырубал, если бы мог. И доберется, поди, еще.

- Опять твой Карпачев. Что ты к нему привязался-то?
- А то, что сейчас хороший вот такой, как он! Который все изображает и ничего не делает. Мне говорит, ты возможностями не пользуешься. А это такие возможности, что только ему подобные и пользуются.
- Ну, умеют они, что поделаешь? Мы вот не умеем.
- Кто мы-то? И что, надо уметь, что ли, по-твоему?
- Нет, надо сидеть на месте и жаловаться.
- Ясно. Значит, я сам виноват? Танькина песня.
- Конечно, все вокруг виноваты, кроме тебя!
- Ох. Я сам кабельный закрыл, да? Я всего этого, что происходит, хочу, ты считаешь?
- На работу ты явно не хочешь.
- Вот тебе раз, не хочу на работу. Точно, устроили коалицию с Танькой. Она все говорит...
- И правильно говорит! Полгода сидишь. Сейчас про автослесаря заладит, думаю.
- Что она, не права, что ли? Ты все в отцовском «москвиче» копался, а сейчас СТО полно. На каждом шагу. Чего бы туда не пойти. Все кругом машины покупают, работал бы. Нет, блин, не хочешь!
- И не захочу. Вы думаете, что это так просто? Сами-то не пойдете туда устраиваться. Таких слесарей пол-области, попробуй еще попади. И если я в «москвиче» копался, то мне должно нравиться «круизеры» коммерсам делать? Или «короллы» карпачевские?
- А какая разница-то?
- Не понимаешь ничего...
- Не понимаю! Да японские машины, поди, и отремонтировать так часто не надо, не то что наши ведра с гайками.
- Чушь... Чтoб копейки получать, ходить туда, куда не хочешь. И быть тем, кем не хочешь...
- Здравствуй, жопа, новый год! Не хочешь! Все жаловался, что мы с отцом тебя хотеть не научили. А нас, знаешь, не спрашивали, чего мы хотим. Нам куда сказали, мы туда и шли.
- Неправильно. Ты, по-моему, что-то не договариваешь.
- Ну, не знаю я, что у тебя неправильно. Но заставлять нас не надо было!
- И поэтому я должен идти работать куда попало, лишь бы взяли?
- Опять, а! Вот одна я всем должна, а вокруг никто ничего не должен! От старшего сына ни сном ни духом, ты тут сидишь, за отцом выноси. Бегаю, заказы на шитье от женщин собираю.
- Хочешь, я вместо тебя шить буду?
- Нет уж, не мужское это дело.
- Так тебе всегда шить нравилось, я же знаю.
- Она как будто не заметила.
- Сестра твоя вот тоже. Говорит, что на каникулы не приедет, останется там, подрабатывать будет. Конечно, к больному отцу неохота ей ехать. А приезжала зимой, а? Челку сделала, одевается фиг пойми как, в черное с розовым. Связалась, поди, с какими-нибудь наркоманами. Ладно, хоть институт не бросает, как некоторые!
- Опять... Ее, может, в педу этом и научат чему, а меня учили быть, как Карпачев. Это учеба? Зачем?
- Мы замолчали на чуть-чуть, а потом мама почти что закричала:

— Да сколько ты можешь придуриваться, в конце-то концов, а?! Ты взрослый мужчина, а спрашиваешь, зачем идти на работу! Из раза в раз одно и то же. Выживать надо, Степа, выживать! Никто нас не будет спрашивать, чего там мы хотим, никого это не интересует, слышишь! Не будешь братья за то, что есть, помрешь с голоду! Дай сюда таз!

Она резко подошла ко мне и стала вытаскивать из моих рук таз. Я отвернулся от нее и ответил:

— А я не хочу больше выживать. Все, мне надоело.

— Что-о? Что это значит?

— То и значит. Не хочу, надоело. Ты все правильно поняла.

— Та-а-ак, значит, да! Ну, давай тогда, иди! Иди, Степа, иди, я тебя вытаскивать не буду, я это еще полгода назад тебе говорила!

Я поднял глаза на нее, и мне показалось, что сказано это было вполне честно. Ну, встал со стула, сунул ей в руки таз и вышел с лоджии. Она пошла за мной, кинула таз на свою кровать и сказала:

— Чего встал, иди!

И добавила приглушенно, при этом показывая пальцем в сторону зала:

— Оставь ребенка без отца!

— А что изменится? Таня прекрасно справится без меня.

— Ну вот чего ты добиваешься, а? Хочешь, чтобы я тебе свою пенсию отдавала?

— При чем тут твоя пенсия?

— Так если ты работать не хочешь.

Я процедил сквозь зубы в ответ:

— Все, хватит...

Зашагал в зал. Там Миша катал по ковру игрушечный ЗИЛ с полуприцепом, в котором лежала керамическая фигурка олимпийского Мишки.

— Дедуска, смотри, Миса везет олим-олимпского Мису!

— Миша везет олимпийского Мишу! — повторил отец. Это вроде была первая его фраза за мое присутствие.

Я подошел к Мише и взял его за плечи.

— Пошел я домой, сынок.

— А ты завтва пвидес за мной?

— Не знаю, сынок. Ты иди к бабушке, она мне сказала, что «Марсов» тебе купит. На всю пенсию.

Пошел в коридор надевать сандалии. Мама смотрела на меня, недоумевая, но, видимо, не знала, что можно в этой ситуации говорить в присутствии внука. Она забегала по комнате, выключила телевизор, схватила Мишу за руку и поволокла в кухню.

— Иди, маленький, на кухню, сейчас шпульки наматывать будешь.

Миша не очень уверенно пошел туда, постоянно оглядываясь на меня. Мама спросила:

— Ну? Больше ничего сказать не хочешь?

— Мне больше нечего сказать.

Я застегнул сандалии, встал и... обратил внимание на отца. Он чуть приподнялся на диване, повернулся на левый бок, оперся на согнутый локоть и стал на меня смотреть через дверной проем. Я в ответ тоже. Мы это, вообще-то, редко делали. На меня смотрел безнадежно больной человек, медленно, но верно ожидающий смерти и который уже ни на что в своей жизни не может влиять. Смотрел так, по-детски, испуганно. Почти как Миша на саранчу. Это продолжалось секунд десять, а после я вышел из их квартиры, не оборачиваясь на маму. Спускаясь, я слышал за спиной, как отец начал ломано спрашивать маму, что случилось. А мама, видимо, что-то намеревалась

мне сказать, но не знала что. Чувствовал, как она стоит в дверях, но не оборачивался. Когда спустился на этаж ниже, она захлопнула дверь и громко щелкнула замком. Тогда я остановился. Постоял пару минут и пошел дальше. Зачем все-таки папа так рано свалился? Что касается мамы... Она, наверное, могла бы вести себя по-другому. Но получилось то, что получилось.

Я быстро пришел домой и ни на что по пути не оглядывался. Даже не высматривал на небе облачка, как обычно. Скоро ведь будет все равно, пойдет дождь или нет и вообще, который час. Не сказать, чтоб это радовало, но и не расстраивало. Ну, просто закончится все разом, и это главное. В эти секунды была стопроцентная уверенность в том, что перестать жить лучше, чем продолжать.

Когда зашел в квартиру, стал думать, стоит ли переодеваться. Решить ситуацию хотелось побыстрее. Я был уверен, что дома есть веревка. А ее не оказалось. План действий разваливался на глазах.

Но тут смотрю, полка с кассетами. У нас ведь своего компа не было, в телефонах тогда еще не во всех музыка была, только в дорогих, так и слушали на магнитоле кассеты, еще немного диски на ней же. Должно подойти. Взялся перебирать:

«Глюкоза». Фигня, но жалко.

«Звери». Тоже жалко.

«T.a.t.u». Вроде подходит, но из уважения к Тане...

«Моцарт для малышей»? Это ведь теща придумала для Миши, ни в коем случае.

«Бобик в гостях у Барбоса. Аудиосказка». То же самое.

«Катя Лель». Вот, вот, вот! Идеально, лучше не придумаешь. Папа говорил «Катя дрель». Смешно говорил.

Все, теперь ничего не должно помешать. Теперь вроде бы все зависело от меня, только от меня и ни от кого другого. Со мной мое решение...

...В голове какая-то чушь, а вокруг как будто огонь. Но тело вроде мое, это я в том же виде, как и был. Так и должно быть, нет? Но точно что-то горит. Или я сам? А тут телефон звонит, вот в этом же месте. Ну, тут я открыл глаза. Лежу на полу, болит правое плечо и затылок, на шее разорванная лента. И телефон мой звонит, мобильный, из комнаты. «Сименс» был у меня тогда, такой полукруглый вверху. Таня, думаю, звонит. Я всего лишь потерял сознание на пару минут, вот и все мое решение, весь мой план. Это потихоньку приходило в голову, пока лежал и отходил от обморока. И телефон не затыкался долго. Это точно Таня.

Я в жизни мало плакал. Не потому, что не из-за чего было плакать, а просто не привык. И сейчас тоже не плакал, а вместо этого стал выть. Лежал и выл, ну так, тихо. Рассыпался план. Лента просто растянулась и лопнула. Я не решил никакую проблему. Мужество, видно, требуется не только для того, чтобы жить, но и для того, чтобы умереть. И фиг знает, что еще труднее. Что вообще такое это самое мужество, которого требовали от меня мама с Таней? Много ли я видел в жизни мужественных людей? Нет, я, конечно, читал в школе про летчика Маресьева, хорошая книга, но как быть мужественным сейчас, мне ведь не достать себе истребитель! И стало ясно, что мама с Таней были почти уверены в том, что я не смогу. Одна спокойно уехала, другая сказала, что вытаскивать не будет. Какая идиотская сценка. Но должна была быть дома веревка, окажись она здесь... Не оказалось. Можно и сейчас заново попробовать, в конце концов, взять и сигануть с балкона вниз головой. Нет, ничего не получится. Опять надо жить.

- Степан! Степка!
- Это соседка Зинаида Яновна. Я, оказывается, дверь не захлопнул, когда в щиток лазил. Она осторожно подошла ко мне. А мне неохота было отвечать, и я говорил с ней так тихо, как только мог.
- Ты живой? — Она пощупала у меня артерию. — Живой! — сказала на выдохе.
- Живой...
- Встать можешь?
- Не хочу.
- Хм... Ты как это тут оказался?
- Светильник чинил.
- Светильник, значит! А это что? — Соседка стащила с меня записи Кати Лель.
- Музыку слушал.
- Ага, музыку он слушал. Ты это жене рассказывай, а я тридцать лет экспертом-криминалистом работала. Давай «скорую» вызову!
- Не вызывайте.
- Все равно врачу надо показать.
- Теперь я уже заговорил поувереннее, чтобы не связываться еще и с врачами:
- Зинаида Яновна, не надо, ради бога. Я ничего себя чувствую, только плечо побаливает и затылок.
- Что же делается... Жить надоело, значит?
- Ох, как неохота было разговаривать...
- Надоело. И сейчас не очень хочется. Но придется.
- Так кому сейчас хочется? У меня вот пенсия...
- Тут мой телефон опять заорал.
- Ой, Степан, тебе, что ли, звонят?
- Еще чего не хватало.
- Же-на, — прочитала по слогам соседка. — Мне взять?
- Нет-нет, давайте сюда.
- Я протянул руку и, продолжая лежать, принял вызов.
- Але, Степа?! Привет!
- Привет, подушка.
- Кт... Чего-о? Ты пьяный, что ли?
- Почему пьяный?
- Соседка тихо усмехнулась.
- Что с тобой, ты где?!
- На кухне, дома.
- Где Мишка?
- У моих, машинку крутит.
- К-какую машинку?!
- Швейную. Шпульки наматывает маме.
- О-о-ох. С тобой-то что? Что с голосом у тебя?
- Я, это, упал. На кухне. Плечо ушиб.
- Как это ты упал еще?
- Светильник хотел починить.
- Значит, светильник?
- Да.
- Степа, я завтра вернусь тогда! В поддесятого...
- Не надо. Ты же на четыре дня собиралась, зачем планы менять. Картошку-то не огребли?

— Ну, я не знаю. Светильник. Я не помню, чтобы...

— Нет, ты не переживай. Ты сама знаешь, что ничего страшного тут не случится. Лучше меня знаешь.

— Угу...

Она стала немного по-другому говорить. Не паническим тоном, а более привычным, немного пренебрежительным.

— Да вот тут у меня Зинаида Яновна, она тебе все подтвердит. Возьмите трубку...

— Да, Татьяна, здравствуй. В кухне, да, лежит. Ушибся. Я шла, а дверь была не закрыта. Да вот светильник, на подоконнике стоит. Нет, говорит, что врача не надо. Да, до ЗЯБа долго ехать будут. Ну, я смотрю, ничего. Конечно, покараулю, я дома. Хорошо, проверю. До свидания.

Я снова протянул руку.

— Алло...

— Так, соседка завтра к тебе зайдет. Точно врача не надо?

— Нет, нет...

— Ну, давай оставайся. Чтобы без фокусов, понял?

— Какие теперь фокусы.

— Все, пока.

— Пока...

Я снова протянул телефон соседке.

— Зинаида Яновна, положите куда-нибудь.

— Ты вставить-то собираешься?

— Я могу встать, просто не хочу.

— Боже ты мой!

— Вы ведь знаете, что у пола воздух холоднее?

— А, конвекция?

— Ну да, потому что горячий легче и вверх поднимается.

После этого она, кажется, поняла, что я достаточно жив, чтобы меня оставить.

— Ясно все с тобой. Пойду я к себе. Звони, если что, я дома. Завтра постучусь, проверю!

— Да-да. Вы дверь захлопните только. Она закроется.

— Хорошо. Но ляг лучше на кровать, ради бога!

— Лягу, лягу.

— Ладно, давай.

Она закрыла дверь, и я остался один. За это время я ее ни разу не увидел, так и лежал, почти не поворачиваясь. Невежливо, наверное. Но именно в это время мне меньше всего в жизни хотелось с кем-то разговаривать, но пришлось сразу с двумя людьми. Вообще Зинаида тетка неплохая и ко мне тоже относилась вполне... Она к тому времени уже одна осталась, муж умер, но дети с внуками иногда приезжали. Еще у нее пес был, Рем, списанная из милиции овчарка. Добрый пес, с нашим Мишей играл. Они его даже в какое-то специальное место хоронить возили.

Делать теперь не хотелось вообще ничего. Я выпил пару таблеток снотворного (взял как-то у родителей) и лег на то же место, куда упал с крючка. В том, чтобы лежать на полу, было хоть что-то интересное. Необычное, по крайней мере. Неужели все-таки Таня спрятала эту гадскую веревку?..

Проснулся я ночью и первым делом подумал о том, что эту ночь надо как-то проводить. Ужас. Либо надо было не пить снотворное до этого, дожидаться вечера и заснуть,

как обычно. Но случившееся чуть-чуть отдалилось, и я теперь поменьше расстраивался из-за того, что моя затея не удалась. Но что делать ночью? На кабельном, помню, рассказывали, что раньше завод мог работать в три смены, значит, и ночью тоже. Но при мне такого уже не было, а потом и одной смены не стало. Да, что ни мысль, все не в ту сторону. Я выпил кипяченой воды и стал ходить по квартире. Просто ходил из угла в угол, не мог ничего придумать. На часах было полтретьего. Никаких планов теперь не осталось, не осталось как будто вообще ничего.

Да, осталась жена, которая никуда от меня не девается. Но мы с ней к тому времени уже и не помнили, что, вообще-то, нравились друг другу. Только жизнь взаимно отравляли от бедности и безысходности. И как могло быть иначе в таких условиях? Она, наверное, и не могла не гнать меня в автослесари? Что, говорить «не ходи куда-да, сиди дома»? Нельзя же совсем ничего не предлагать. Но от таких предложений выть хотелось. Что такое, когда ты чинишь японские тачки тем, что торгует запчастями от японских тачек, и стремишься заработать себе на японскую тачку, и если подфартит, тоже торговать запчастями. Ну, или лес пилить. Вот я в те годы постоянно слышал по телевизору и радио, что ВВП растет, и всякие аналитики рассказывали про рост рынка. Но для кого это считают, если ВВП рос, а у нас на кабельном было все хуже и хуже? А я на Танины возмущения только огрызался. Ну вот не хочу я, а дальше то что? Я по-прежнему не знал, что предложить самому. Предложил вот сам себе вариант, да и то не получилось. Еще я вспомнил о сестре. Как мама сказала, «с наркоманами связалась». Интересно, она ведь что-то такое для себя нашла. Не думал я, конечно, что это прямо наркоманы, просто мама не понимает. Это же субкультурой назвали, кажется.

Не знаю, в общем, сколько ходил по квартире, на часы не смотрел. Придя в очередной раз в кухню, я наконец собрал обрывки магнитной ленты. Да, муси-пуси больше звучать у нас не будут, по крайней мере, на кассете. А ведь Таня ее какое-то время вместо будильника заводила. Думаю, может, послушать что-нибудь? Я и к музыке-то толком не приучен был. Завидовал даже соседу по общаге, который Лаэртского слушал, что он себя занять этим может. Ну, стал, значит, кассеты перебирать, которые разбросал, и взгляд упал на этого самого Моцарта. Если что я и хотел делать, то только что-нибудь необычное, чего раньше не было. И Моцарта я как раз и не слушал, в смысле, специально. Так-то у нас в школе в кабинете музыки его портрет висел. Только я, как и все, считал, что классическую музыку нормальные люди не слушают, что это фигня невыносимая. Может, в другой ситуации бы не стал, а тут подумал: почему бы и нет? Теща придумала это для Миши, но мы, кажется, ему и не ставили. Вот она эту классику любила, хотя и деревенская. Хотя и я, вообще-то, не городской.

На обложке было написано, что для малышей. Ну и ладно, какая разница? Включил негромко, ночь все-таки. Хожу дальше по комнате, слушаю. Нет, все-таки ведь не зря его портреты в кабинетах вешают. Что-то в этой музыке есть. Да это, наверное, и есть самая музыка, тут же не поют. Вот говорим «слушать музыку», а слушаем песни. Я как-то и привык к этому. У нас в райцентре был кружок, куда дети ходили на инструментах играть. И был один парнишка, скрипач, давал типа концерта в актовом зале. Он отыграл, все разошлись, никому это не было интересно. Но мне было чуть-чуть интересно, я, по крайней мере, не мучился ждать, когда это кончится. А признаться боялся...

И я даже отвлекся чуть-чуть с этим Моцартом. Даже стал представлять себе его самого, как он в каком-нибудь замке сидел при свечах и писал пером с чернилами. Может, и не в замке, не знаю, что у них там было. Замки же у королей, а этот королем не был. Какая, вообще-то, была у них жизнь, интересно, когда все другое было во-

круг? И много чего не было, а музыку они писали. Вот засухи там, пожалуй, не было. От засухи ничего хорошего не напишешь. А я как раз подумал про засуху и отвернулся от Моцарта обратно к себе в противную духоту. Сторона «А» на кассете кончилась.

Перевернул кассету на вторую сторону и попытался дальше думать про что-то в таком духе. Только уже не получалось. Тогда я постарался вслушиваться именно в музыку. И вот так хожу, хожу туда-сюда, вслушиваюсь. А тут посторонний звук. Я сразу насторожился и звук убавил до самого тихого. Еще раз тот же звук. И вдруг понял, что это со стороны окна. Удар о стекло. Потом еще один. А если удары о стекло, то это... *дождь!*

Мне в это трудно было поверить, я просто не ждал дождя. Его ведь обещали! Я утром не стал слушать прогноз, а мама потом сказала, что пообещали. Из десяти этих обещаний сбывались, дай бог, два, но это сбылось. Значит, кому-то можно верить. У нас над балконом был небольшой козырек, и я вышел к самому ограждению. Стою, чувствую, как капли падают на меня и тело охлаждается. В тех краях при дожде всегда холодало. Как радостно было оттого, что тебя не обволакивает жгучая гадость. Я тогда все наши рамы распахнул в комнате и кухне, насколько они распахивались. Примерно в те годы, кстати, стали появляться пластиковые рамы, но мы о них и мечтать не могли. У нас деревянные были, которые приходилось утеплять на зиму.

Когда начинался дождь, я непрерывно смотрел минут десять и следил, продолжается ли он. Боялся, что быстро закончится и его опять очень долго не будет. Тогда было понятно, что все это надолго. Но я все равно смотрел с балкона в пустоту. Когда идет дождь, обычно не полная темень. Чуть-чуть угадывались по левую сторону недостроенные панельки. Окошки в котельной тускло светятся. Надо, думаю, будет обязательно узнать, прошел ли дождь у Таниной мамы. И как только люди не сходят с ума, когда их урожаи засушиваются? А тут раз, и звонок, я даже испугался. Опять Таня, что ли? Нет, я же не собирался так быстро узнавать у нее про то, идет ли дождь в деревне. Подхожу, беру телефон, написано «Мама». Время, оказывается, было четыре десять. Отвечаю и слышу:

— Сын, это я.

Он говорил почти как здоровый, я удивился и замешкался.

— Ты как? — спросил он меня.

— Живой... — в этот раз я произнес это не так обреченно, как в разговоре с соседкой.

— Хорошо. А то тут...

— Ты почему не спишь-то?

— Да какое там, и так весь день сплю. Неохота. Мать-то до трех по квартире бродила, я говорю, позвони, а она молчит. Тогда сказал: выпей хоть капель, рукой махнула, ушла к себе. А потом слышу, на кухне шуршит. Сейчас заснула вроде. Взял вот ее телефон.

— Подожди, мы ж тебя вроде и не учили мобильным пользоваться?

— Так я видел, как мать звонит.

— А Миша как?

— Спит... — отец сдавленно кашлянул, — кажется.

А я все удивлялся. Тогда уже у отца нечасто бывало, чтоб он говорил почти что так, как раньше, а не обрывками. И бывало это в неожиданное время. Я снова растерялся, не знал, что говорить. Пауза.

— Степа, ты... Знаешь же... Ну, мать так на самом деле про тебя не думает.

— Наверное, не думает.

— Точно, Степа. Я ведь ее получше знаю. Ты не делай ничего такого, а! Не надо, сынок.

- Да все, папа. Ничего такого не будет. Теперь уже не будет.
- Оно понятно, конечно, ситуации всякие бывают. Но не надо.
- Я понял.
- Внука-то заберешь завтра?
- А он надоел вам, что ли?
- Не-е-ет, почему. Просто про тебя спрашивал. Понимает уже, не маленький.
- Завтра заберу. Заберу, заберу.
- Ладно, Степа. Ну, ты понял же, да?
- Я понял, что не надо.
- Правильно, Степа, не надо.
- Хорошо, отец. Спокойной ночи.
- Давай.

Хотелось как-то подольше с ним поговорить, пользуясь случаем, но я не знал о чем. Да еще и посреди ночи. Зачем он все-таки так рано свалился, а?

Я вернулся на балкон и чуть свесился за перила. На волосы и спину капала вода. Волосы все равно сильно не намокнут, потому что жесткие и короткие. Длинных у меня никогда не было. Стало уже прохладнее, и я еще малость походил туда-сюда по балкону и зашел в комнату. Вторая сторона Моцарта уже давно доиграла, ее пропустил почти всю. Перемотал, запустил снова. Потом перенес матрас с пола обратно на диван и лег в постель прямо так, мокрым. Не хотел вытираться. Лег на бок и лежал, слушал Моцарта на пару с дождем.

Это здорово. Вот капли с головы стекают на подушку. Будто лежал с какой-нибудь лихорадкой, и вот она медленно стекает с тебя тонкой струйкой на пол, где находит щель в плинтусах и сливается в пропасть. Так отступала жара, как болезнь. Всегда приятно, когда болезнь отступает. В эти минуты я почти что ни о чем не думал, мне было достаточно того, что сейчас идет дождь, и я этому радовался. Есть время порадоваться. Когда становится хорошо, то не хочешь, чтобы это время заканчивалось, и оно быстрее уходит. Но зато не думаешь, как бы все вперед отмотать. Редко такое бывало, я же привык к тому, что в основном как-то плохо. Вот осенью вроде хорошо, когда жара заканчивалась естественно, так сказать, но не особо. Ведь природа не засыпала, чтобы потом, как ей нужно, проснуться и встать в полный рост. Нет, она как бы теряла сознание, чтобы потом снова мучиться от спазмов. Поэтому лучше летнего дождя погоды не было.

Я даже немного зябнуть стал. Натянул китайскую простыню до головы, подогнул ноги и стал засыпать, хотя до этого проспал часов восемь. Моцарт, вообще-то, неплохая штука. Не помню уже, закончилась ли кассета до того, как я заснул, или после. А снилось мне вот что. Иду я как бы к родителям, со стороны остановки. Если так идти, заходишь в широкий, длинный двор, и по бокам будут две пятиэтажки, а папина с мамой десятиэтажка в конце этого двора стоит, ближе к левому дому. И вот захожу я в этот двор и вижу, что в конце этого двора вода стоит. Вроде как берег моря, но вода, как в большой луже, гладкая и стоячая. Десятиэтажка родительская в воде стоит. При этом я во сне точно понимал, что в домах никого нет, что они пустые. А дальше стало интересно посмотреть на те недостроенные дома в поле, как они в воде выглядят. Я пошел вперед и проснулся.

Было вроде начало десятого часа. Дождь продолжался. Уже прохладно так стало в квартире, пришлось даже окна немного прикрыть. Когда после жары начинался дождь, мне почти всегда хотелось на улицу. Успеть поглядеть ее в таком виде, пока

снова все не высохнет и не налетят насекомые. Я соседке сообщил, что живой, и пошел в поле мимо котельной. Те, кого мы до этого с Мишей пинали, были прибиты к земле. Кобылки, перевернутые вверх ногами, плавали в лужах. Вот хорошая вещь дождь — идет и всю нечисть бьет наповал, чтобы ее потом смыло в помойные ямы. Я быстро промок, но не обращал на это внимания и бродил по полю туда-сюда. Конечно, хотелось в такое время думать о том, что там природа не умрет, что она сейчас восстановится и все такое. В такое уже не верилось, но хватало просто того, что она, по крайней мере, перестает умирать в этот момент.

Домой вернулся уже во втором часу. Высушился, вареники доел. И тут впервые за очень долгое время захотелось с кем-то поговорить. До этого действительно не хотелось, буквально каждый раз тяжело было. А здесь по-честному захотел. Но с кем? С папой скучновато, Таня не поймет. Лучший школьный друг тогда уже далеко на западе страны был. И вдруг понял, кому надо звонить. Взял телефон и выбрал самый нужный в тот момент контакт...

— Алло?

— Сан Геннадич, здравствуйте! Это Степан.

— А, здравствуй.

Он был повеселее обычного и явно был рад звонку.

— Я...

— Ну, ты как сам? Работу-то не нашел?

— Нет, не получается пока. А вы?

— Да взял тут калым на следующую неделю. На одной даче полы постелить. До конца лета, поди, доживу. А ты чего звонишь?

— Я, знаете, думал тут... Гм... Хочу спросить.

— Что спросить?

— Знаете, а... Мне нужно узнать... Почему вы пошли на кабельный работать?

— В смысле, почему?

— Ну, почему именно на него?

— Да-а-а как тебе сказать... Я вот в школе учился, и нас на экскурсию туда сводили. Говорили, приходите, мол, к нам работать, мы вам рады будем. Мне понравилось, я и пошел. Только не сразу, конечно, сначала-то в училище учился, в шестом, ну а потом пришел мастером. Я вообще рад, что там работал. Считаю, крупнейшее предприятие области, почетно вроде как. Квартиру вот дали, живу, слава богу. Кабеля ведь всегда нужны, и сейчас тоже А ты зачем спрашиваешь, кстати?

— Да просто некоторые говорят так... Знаете, что нас никто не спрашивал, нам куда сказали, мы туда и пошли.

— Кого не спрашивал?

— Ну вот вас, людей вашего возраста. Вот они делали, что заставляют.

— Не знаю я, гм. Говорю же, сам выбрал. В нашем городе вариантов и тогда немного было, но кто хотел кем-нибудь другим стать, уехали. Друг вот у меня в Приморье в мореходное училище поступил.

— Ну и как?

— Окончил, ходил в Японию на контейнеровозе. А у них сейчас тоже распродали все, флот развалился, его на берег списали. Он теперь фрукты и овощи с дачи продает. Там же все растет, не то что у нас.

— У меня вот тоже сестра там учится, в пединституте.

— Хорошо, пускай. Только учителям сейчас тяжело работать. Хотя школы так, как заводы, не закрываются.

— Действительно не закрываются... Очень жаль, что так получилось с заводом. Мне тоже ведь нормально было, правда.

— Ну, понятно, что жаль. Говорят, уже все станки вывезли, к следующему году планируют цеха снести.

— Зачем?

— Черт его знает, земля в городе востребована, так сказать. Поди, сам Шелопугин чем-нибудь и застроит.

— А вы ходили на этот самый... на митинг?

— Ковардаева обзванивала, но все от жары прячутся, прятались то есть. Сейчас, может быть, и соберемся. Потом поздно будет.

Пауза.

— Семья-то у тебя как? Жена, сын?

— Более-менее. Таня все так же, в химчистке работает, с сыном сам сижу. Только сейчас к бабушке отвел.

— Ну, давай там. Ты ведь молодой еще, можешь поехать куда-нибудь. На вахту там.

— Не знаю даже...

Еще одна пауза.

— Сан Геннадич, вы... если будете с Ниной Николаевной разговаривать, передайте ей от меня спасибо.

— Ну, передам, а за что?

— Так, просто. За работу.

Я уже не знал, о чем говорить, но вдруг вспомнил.

— А знаете, что еще! Я вспоминаю, вот пацаном еще, смотрел по телевизору сюжет про наш завод, и там Нина Николаевна была! Сказала что-то и на кнопки нажимала. Было ведь такое?

— Было! А ты раньше не спрашивал.

— Только сейчас вспомнил!

— Снимали, снимали, да! Приезжала группа на рафике. Я помню, крутились там с ребятами рядом, я чуть осветитель им не уронил, ха! Мужик там был, типа режиссера, прогнал сразу. И Нина тоже, иди, говорит, работай, станки стоят. Она же такая была всегда... Найти бы этот сюжет сейчас. В телецентре должны бобины лежать.

— Да, может быть.

— Ну чего, давай тогда, Степа, удачи тебе.

— Спасибо! Вы, это самое, звоните, если там что...

— Угу, я понял.

— До свидания!

— До свидания.

Хороший тогда был день, Может быть, лучший в жизни на тот момент. Как-то вот только к тому времени я стал понимать, что у меня было и что я потерял. И главное, что сам себя не убью. Важно было это понять. Глупо умереть, ничего не узнав о жизни.

А я, кстати, и сейчас живой.

Потом ведь в августе все-таки собрался митинг на центральной площади. Кузнецов мне позвонил, и я решил поехать. Даже не ради долгов по зарплате, а так, на интерес. Приехал — народу толпа, в основном, правда, все старше сорока лет. У некоторых в руках были старые красные флаги, под памятником Ленину трибуна с лозунгами «Шелопугина — к ответу!» и «Долой компрадоров!», а на самой трибуне стояла Ковардаева вместе с каким-то депутатом. Они много говорили про «варварское присвое-

ние» и попустительство чиновников, выходил седой старик, зачитавший целую поэму о заводе, какой он был могучий и как его растащили. Много кто еще выходил, требовали губернатора явиться и «держать ответ». Один в толпе заикнулся, что неплохо подать сюда самого Шелопугина, но ему на это сразу сказали, что тот сейчас «болтается на яхте где-нибудь в Средиземном море и о нас, болезных, не думает».

Так и шло, час, два, три. Люди бегали за пирожками, ходили журналисты, выцепляли кого-нибудь и брали интервью. Я оставался и не уходил, потому что там было как-то хорошо, приятно находиться. Мне мало кто из собравшихся был лично знаком, но у меня быстро появилось ощущение единства с ними, с таким множеством человек. Необычное ощущение, его, наверное, у меня не было ни до, ни после. У нас у всех оказалось *такое вот* положение, что мы собрались там, на площади. Я как будто снова был на заводе. Без цехов, без катушек с кабелями, но, работая в одном цехе, мне трудно было увидеть, что на самом деле такое завод и что он состоит из тысяч таких людей, с которыми на самом деле так много общего. И я был *вместе* с ними!

Но видимо, долго так продолжаться не могло. Все речи уже были сказаны, а губернатор так и не появился. Депутат, стоявший рядом с Ковардаевой, говорил про какие-то иски и петиции, люди стали передавать друг другу листки, в которых расписывались. Я тоже расписался, но дальше стало казаться, что все уперлось в тупик, и настроение уже сменилось. Стало даже жалко. Чего не хватило, чтобы дело дальше пошло? Не знаю, не разбираюсь в этом. Может, просто молодости? Таких, как я, раз, два и обчелся. Не самому же было туда выходить... Когда стали расходиться, кто-то вдруг залез на трибуну и стал махать горячей газетой с большой фотографией Шелопугина. Больше ничего, пожалуй, и не было. Некоторые, видимо, собирались оставаться и на ночь, но я понял, что главное уже прошло. Когда я уходил оттуда, сразу почувствовалась пустота. Все выглядело Кузнецова, но не увидел.

Но это не все. Там я познакомился с одним мужиком, который ходил туда-сюда с банкой пива, и было видно, что он не с нашего завода. И почему-то пристал ко мне, может, потому, что я там такой молодой был. Что, спрашивает, делается. Я сказал ему то, что знаю, а потом спросил, кто такие компрадоры. Он ответил: «Да х.. его знает» — и сказал, до чего, мол, дошли. Как двадцать лет назад эти флаги на шествиях носили, а теперь с протянутой рукой стоят. Ну и все так, что на пять слов одна нота «ля» приходилась, но, вообще-то, доброжелательным показался. Глаза у него были такие добрые. И оказалось вдруг, что работает в той же химчистке, что и Таня.

Вот тут он и начал говорить, что сейчас только на Севере заработать можно, что сам хоть сейчас бы поехал, у него там и знакомые есть, потому что он после армии работал где-то на буровой. Деньги, говорит, были сказочные, только труд тяжелый, да и жить в «бочке Диогена» (жилье такое в форме цистерны) непросто. Накопил, мол, на «запорожец» и вернулся домой. Но сейчас ехать не может, здоровье не позволяет, а тебе, молодому, говорит, в самый раз. Хотя не совсем верилось, что он на самом деле работал на Севере и что у него там есть какие-то знакомые, я обрадовался и сказал, что подумаю. Тане, как оказалось, этот дядька не очень нравился, но зато очень понравилось то, что я «наконец решил за дело взяться». Немного погодя мы с ним связались с его северными товарищами (они действительно были), которые сказали, что чем-то конкретно помочь не могут, и только посоветовали, куда лучше ехать, где больше людей нужно. Гарантий не было никаких, и желания у меня поубавилось. Но хуже быть уже не могло, и примерно в октябре того же года я поехал.

Таких, как я, там оказалось много, на все приличные должности образование нужно, а у меня только профессия бронировщика кабелей. Стал кататься по поселкам, вся-

ким занимался, в основном слесарил по вездеходам. Считаю, тот же самый автослесарь и есть, по Таниным заветам. Только по вездеходам интереснее, чем по «круизерам» и «чайзерам». По-другому воспринимаешь. Иногда и ездил на них — пригодился наш поселковый ДОСААФ, где я КамАЗ мучил. Но все это, конечно, ненадежно было, и на деньги кидали пару раз. Всякое, в общем, там случалось. Слышал про одного якута, у которого даже на дорогу домой ничего не осталось, так он чуть ли не пешком пошел к себе в Якутию. Поэтому мне, наверное, и жаловаться не на что.

Потом мне посоветовали ломануться в техникум на заочное, ну я и поехал. На бюджет мне было не попасть, поэтому все заработки на учебу пустил. Таня ругалась по этому поводу. Так и учился четыре года. Без меня уже и отец умер, и Миша в школу пошел. Но зато потом все как будто прояснилось. Взяли машинистом на газокompресорную станцию под Новым Уренгоем, там я и поселился в съемной квартире. Уже можно было не бояться, что зарплату отберут. И в первый отпуск я поехал за Таней и Мишей, чтобы увезти их. Вот с тех пор мы там и живем.

Квартира у нас в таком районе, который выглядит так, как, наверное, выглядел бы наш ЗЯБ, если бы его достроили. И снова квартира с видом на поле, ну, если его можно так назвать. Кое-какое сходство есть у этого Уренгоя с малой родиной. Мне вот казалось, что там, на ЗЯБе, был край света, в смысле какой-то конец жизни человеческой. А здесь тоже край света, только не конец, а наоборот, начало. Дальше на север только редкие вахтовики с оленями и Ледовитый океан, а отсюда, видимо, вся наша страна начинается и весь тот самый ВВП. Я все еще не вполне понимаю, кому он нужен, но точно понимаю, что берется он отсюда. Здесь вообще мало что есть, и почти все, что есть, это работа. Нелегкая, зато очень полезная и, в конце концов, высокооплачиваемая. Хотя работу на кабельном я бы себе с радостью вернул, без вопросов, но такой нет и, может быть, уже и не будет. Я не знаю. Но знаю, что газопровод уж никуда не денется. По крайней мере, пока газ не кончится. Начальник меня придурочным называет, но тут чуть не каждый надеется подзаработать и на какой-нибудь юг уехать, а я никуда не денусь.

А вот нет здесь много чего. Но главное, что жары и засухи не бывает никогда, а всякая саранча бы просто не выжила. Не выжила бы, и все. Приятно об этом думать. Поля здесь болотистые, в них растут тонкие елочки и ягель, это такой лишайник белого цвета. Красивый, по-моему. Мне хватает. Тане вот не хватает, но мы с ней катаемся в отпуска. Нормально, пожалуй. Где-то так же саранча посевы жрет и люди без работы сидят, а я тут на начальном краю света сижу себе и газ прокачиваю. Удобно. Но наверное, не очень честно. С одной стороны, не просто так сижу, а с другой...

Да, у нас ведь еще дочка и младший сын теперь есть. Они полные северяне, так сказать. Другие уже люди, не такие, как Миша. Всю жизнь живут в тундре с ягелем. Странно, но и Миша засуху эту почти не помнит. Не замечал, видимо, не успел заметить. А как сюда я их перевез, мы с ним постоянно по тундре шарились, он и забыл. Удивляется даже, когда я вспоминаю. Не помнит ни кобылок, ни саранчи. Помнит, правда, вкус песка во рту. Это когда пыльные бури были, всегда в рот попадало. А кто-то ведь и сейчас там живет...